

АЛЕНА ЯГИНСКАЯ



ЛЕКАРКА.
ТАЙНЫ
УЕЗДНОГО ГОРОДА

Алена Ягинская

Лекарка. Тайны уездного города

«Литнет»

2025

Ягинская А.

Лекарка. Тайны уездного города / А. Ягинская — «Литнет», 2025

Я не могу не лечить, это мой дар и мое проклятие. Мой муж сделал все, чтобы лишить меня его, но нанятые им отморозки перестарались. В новой реальности я смогла устроиться лекаркой в уездную больницу, и с головой погрузиться в работу. Вот только судьба нос к носу сталкивает меня с моим убийцей из прошлой жизни. Что это — злой рок, совпадение или знак, что в моем попадании сюда есть особый смысл? Я разберусь. Еще бы только высланный из столицы сыщик-дознаватель перестал попадаться мне на каждом шагу. Но, похоже, этот городок слишком мал для нас двоих... В тексте:♥#адекватная попаданкадетективное расследование♥#альтернативная историясовсем чуть-чуть магииКнига участвует в литмобе «Попаданка в белом халате»;

© Ягинская А., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Здоровых людей не бывает	8
Глава 2. Никольск	11
Глава 3. Судилище	14
Глава 4. В новую жизнь	17
Глава 5. Постоялый двор	19
Глава 6. Прием	22
Глава 7. Обживаемся...	25
Глава 8. Сумасшедшая или?..	28
Глава 9. Дар?	31
Глава 10. Удавленник	34
Интерлюдия	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Пролог

— Михаил Аркадьевич, голубчик, у меня для тебя плохие новости, — столичный обер-полицмейстер сидел в своем кабинете, но когда к нему вошел посетитель, встал и по-отечески тепло поприветствовал его.

— Да я хороших и не жду, — пожал плечами мужчина лет сорока, без лишнего пиетета усаживаясь в кресло у стола начальника. — Куда: Урал, Сибирь? Может, Кавказ?

— Вот характер твой, Миша, отвратительный тебя и погубит. Всё время поперек лезешь, не слушаешь никого. Жена и та тебя вытерпеть не сумела, — попенял чиновник своему подчиненному, усаживаясь за стол. Одним щелчком отправил в его сторону бумагу и принял серьезный вид. — В Синереченск отправляешься, Белозеров, на Урал. Назначен туда уездным исправником. Так что считай повышением.

— Из столицы в Синереченск повышением? — усмехнулся мужчина. — Ну благодарствую тогда, Демьян Алексеевич.

Он сложил бумаги, небрежно сунул их в карман и потянулся к дорожному, инкрустированному мелкими самоцветами металлическому перу в чернильном наборе на столе обер-полицмейстера.

— А вам они взятки случайно не предлагали? — спросил, рассматривая дорогую вещицу в добротном, но довольно обычном канцелярском наборе. — Перьями, например?

— Не ерничай, Миша! — осадил подчиненного чиновник. — Воли много себе взял. Побудешь там, поостынешь. Глядишь, и Вышеславцевы успокоятся. А сыск и в провинции поднимать надо. На то нам полномочия императором и даны, чтоб стране служить, а не эго свое тешить. В общем, расписывайся и отправляйся немедленно, сроку на сборы тебе день.

Михаил быстро поставил размашистую подпись в приказе, поднялся, выпрямился во фрунт, щелкнул каблуками и склонил голову с непокорными завитками волос.

— Так точно, господин обер-полицмейстер, — сказал он. — Разрешите идти?

— Иди уже, — устало отмахнулся чиновник. И когда ссыльный уже подошел к двери, добавил: — Белозеров, там у вас генерал-губернатор по уездам собирается через месяц лично ехать с ревизией. Проследи, чтобы нормально прошло всё, а то он тоже дюже принципиальный. Губернатор сам едет, будет всё вынюхивать. И кстати, Вышеславцев-старший на его место метит, хоть министр его и не поддерживает. Так что ты там, Миша, смотри в оба, чтоб комар носа не подточил.

Мужчина еще раз кивнул, тряхнув непокорной шевелюрой, и вышел прочь.

Женщина осторожно спустилась к речушке, протекающей в овраге, и, нашептывая вполголоса себе под нос молитву, принялась собирать траву.

— А ну стоять, ведьма! — в вечерней тишине окрик прозвучал громко и отчетливо.

Женщина выпрямилась и из-под руки посмотрела на спешившегося мужчину. Она и так по стуку копыт уже поняла, кто прискакал вслед за ней на окраину поселения, и была этим крайне раздосадована. Но проявила дружелюбие и заинтересованность:

— Никита Гаврилович? — спросила она. — Что-то случилось? На заводе проблемы? Я туда не могу, вы к фельдшеру обратитесь.

Мужчина недовольно скривился. Тоже мне, завод, две печи на три горшка бывшим крепостным на приданое жены построены. Вот кабы Демидов его приметил да себе в управляющие позвал, вот уж где бы Никита Гаврилович развернулся. А тут что? Тьфу, одним словом. Но ведьме того ведать не положено, для нее он теперь начальник.

— Случилось, ведьма! Жалуются люди, что ты воду портишь. А сейчас я и сам вижу, что это так, — строго сказал новый приказчик, привязывая лошадь у дерева. Быстро он отсюда не уйдет, так что чтобы не искать потом.

— Никита Гаврилович, помилуйте. Дом мой на отшибе, ручей этот через поселок не идет вовсе. А что до воды, так не надо из пруда ее брать для рабочих, она стоялая там.

— Ты поумничай еще, ведьма! Вот я тебя околоточному отдам да и пусть он разбирается. А то и сам выпороть прикажу, ты ж заводу прямой урон нанесла, из-за тебя люди болеют, — мужчина уже спустился к оврагу и встал напротив женщины. Глаза его блестели от нетерпения.

— Никита Гаврилович, да какая ж я ведьма? Травами лечу, людям помогаю, разве ж был от меня вред какой, — пыталась оправдаться женщина, отступая к воде, но мужчина ее не слушал.

— Ведьма ты, Надежда, как есть ведьма, — приказчик взял женщину за руку, дернул на себя, прижал широкой ладонью к груди и принялся задира́ть подол. — Дуришь мне голову, в ласке отказываешь. Ну так я теперь при должности, все равно по-моему будет. Если по-хорошему не хочешь, значит, под плетью сговорчивей станешь.

Она пыталась оттолкнуть мужчину, но тот оказался не в пример сильнее и злее. Хлесткий удар обжег ей щеку.

— Играть со мной вздумала? Ну так поиграем, ведьма! — разъярился вновь назначенный приказчик. — У себя запру, будешь у меня в подвале жить. Но сначала прямо тут моей станешь.

Он размахнулся и снова с силой ударил ее по лицу. Женщина отшатнулась, запнулась о корягу, упала на спину, и он услышал глухой стук ее затылка о корягу. Тело ее дернулось и обмякло.

— То-то же! — обрадовался мужчина, стаскивая с себя ремень. — Уж я тебя научу покорности. Будешь шелковой, ведьма!

Приговаривая так, он спустил портки и принялся задира́ть женщине подол, одновременно раздвигая ноги. Та не сопротивлялась. Не сразу, но до Никиты Гавриловича дошло, что жертва его притязаний ведет себя слишком тихо. Он похлопал ее по щекам, потряс, но голова ее безвольно моталась из стороны в сторону.

Мужчина выругался, сплюнул на землю и вскочил, судорожно натягивая штаны обратно. Затем воровато оглянулся по сторонам и выругался, что баба дура, чего она траву не в лесу собирала или у реки, благо их достаточно повсюду, а у крохотного ручейка.

Мужчина выругался, сплюнул на землю и вскочил, судорожно натягивая штаны обратно. Затем воровато оглянулся по сторонам.

«Скажу, что беглых с рудников видел, — заметалось в голове. — Вот и подумают, что они. И как некстати-то всё случилось, из столицы исправник новый едет, как бы не заинтересовался трупом».

Он оттащил тело в камыши, чтоб не нашли сразу, и замер, переводя дух. Мысли лихорадочно заматались дальше.

«Точно, нужен пожар. И вот уже не убийство, а неосторожность». Приказчик отряхнулся, одернул новенький камзол — специально надетый по поводу вступления в должность, — и дал себе зарок на будущее для такого дела что попроще надевать. Потом поднялся наверх, запрыгнул на лошадь.

«Сначала показаться всем, чтобы видели, что я в конторе был. Потом пробраться тихо к дому ведьмы, поджечь — и обратно. А там и пошуметь на работников, чтоб запомнили. Хотя кто их спрашивать будет, малограмотных. Но на всякий случай лучше сделать, чтоб все видели: новый приказчик работает, а не болтается без дела».

Он уже тронул поводья, но вдруг осадил лошадь. Труп-то в камышах остался. А если соседи раньше схватятся да тушить дом примутся? Найдут ведьму — и пойдут вопросы. Ведь-

мой-то только он ее звал, а остальные травницу привечали. Еще бы, фельдшер местный вечно пьян, врачи только в Синереченске, да и не поедет никто сюда, а травница всегда под рукой.

«Значит, так: ночью тело в погреб перенесу. Подумают — спряталась от пожара да уго-рела от дыма».

Никита Гаврилович сплюнул снова — на этот раз с досады на самого себя. И дернул же черт ее, дуру глупую, упасть так неудачно. И ударил-то всего пару разков. Что он сделает, коли уродился с силищей богатырской и до баб охочим? А эта сама виновата — одна живет и на рожу приятная вышла. Уступила бы сразу, чай, не стерлось бы и не убыло, да и всё. Так нет, ломаться вздумала. Вот и итог.

Успокоенный придуманным планом, приказчик поспешил в контору.

Глава 1. Здоровых людей не бывает

— Надь, у Зиновьевой готово? — Светка всегда была нетерпеливой. Потому я честно сделала ее гистологию вперед остальных, знала, что подруга забежит сама.

— Да. Погоди немного, сейчас оформлю тебе, как положено, — я пересела за старенький комп и взялась за мышку.

Светка устроилась на выдавшем лучшие времена стуле и с интересом огляделась.

— Слушай, Надюх, а пошли в кино, — вдруг предложила она. — Там что-то историческое идет, ты же любишь. А то смотреть невозможно, как ты похоронила себя здесь. Ты врач от Бога, у тебя руки золотые, тебе тут точно не место!

— Не преувеличивай. У меня всё хорошо. — Я вручила подруге выданный задумчивым принтером лист и добавила: — Свет, мне работать надо.

— Яковлев не звонил? — Светка предпочла намек проигнорировать. — Когда он разрешит тебе с сыном увидеться? Вообще не понимаю, как ты с ним сошлась и пятнадцать лет прожила!

Ясно, Светик не за результатами пришла. Просто она недавно из отпуска вернулась и все последние новости пропустила. Потом узнала, обдумала, наполнилась праведным гневом и теперь никак не может успокоиться.

— Света, давай оставим прошлое в прошлом. Мой бывший муж ясно дал понять, что в ближайшее время сына я не увижу.

— И ты просто так сдашься?

— Ну не начинай, а? Ты знаешь, что мне с ним бороться бесполезно. Я просто подожду, пока он успокоится, а потом попробую с ним поговорить. Иди уже, я тоже надеюсь в отпуск уйти, мне закончить всё надо, а работы навалом. Но уже завтра я вся твоя.

— Имей в виду, — с угрозой заявила она, помахав у меня перед носом листом. — Ты просто так от меня не отделаешься.

Да кто бы сомневался. Светка хорошая подруга и искренне за меня переживает. Но так уж получилось, что я ушла от мужа, а он забрал ребенка и сделал так, чтобы я осталась без работы. С должности меня уволили, но шеф сжалился и засунул меня сюда. Думаю, что вы уже догадались, куда именно.

Да, теперь я работаю в морге.

В основном делаю анализ гистологических стекол и жду, когда мой бывший остынет и с ним можно будет поговорить, как с взрослым адекватным человеком.

Но это, видимо, произойдет еще очень нескоро, не простил Яковлев того, что его жена на развод подала и от него съехала, до сих пор по мелочи мстит — то хозяева меня со съемных квартир просят съехать, то общие знакомые перестают здороваться. А однажды на меня напали отморозки в переулке. К счастью, газовый баллончик всегда при мне.

Поэтому я просто жду, когда бывший перебесится. Потому что, как говорится, если человек дурак, то это надолго. А если он еще и в органах служит, то навсегда. Не в обиду его коллегам, но тут, похоже, клинический случай...

Закончить все дела удалось только поздно вечером, зато две недели можно бездельничать с чистой совестью. Когда вышла на улицу, уже смеркалось, и я решила, что ждать автобус смысла нет. Городок у нас небольшой, и ходят вечером они нечасто, а напрямик мне пешком минут двадцать.

Тем более что через лог даже интересно идти. Раньше там грязно и страшно было, но теперь здесь экотропу оборудуют — дорожки мостят, фонари установили, мост реконструируют. Вскоре станет вполне симпатично, а пока стройка идет, и каждый день что-то новое появляется. Да и на всякий случай баллончик у меня всегда с собой.

Оживленные улицы и гаражный массив я миновала быстро, а вот с мостиком вышла неприятность. Я уже дошла до середины, когда парень, что шел сзади, вырвал у меня из рук сумку и побежал вперед.

Хотела кинуться следом, но на том конце двое перехватили парня, вырвали у него сумку и, не спеша, направились ко мне.

— Спасибо, — сказала я, когда мы встретились, и протянула руку, чтобы забрать свое имущество.

Но сумку мне не отдали.

— Дамочка-дамочка, а мы ведь давно за тобой наблюдаем, — сказал тот, что держал ее у себя. — Бегаешь туда-сюда. Всегда одна. Провоцируешь на дурные поступки. Можно сказать, соблазняешь на преступление.

Он шагнул ближе, заставляя меня прижаться к хлипким временным перилам. Опять Яковлев поугасть меня решил? Посмотрела на пацана внимательно — взгляд спокойный, ясный, дыхание ровное. Что-то не похож на тех, с кем бывший муж обычно имеет дело.

— Прямо-таки соблазняю? — спросила я. Рука в это время нащупала в кармане баллончик. — Ладно, парни, давайте без прелюдий — чего надо? Выкуп?

— Ты че, тетя, так просто отделаться хочешь? — второй вынул руки из карманов и взялся за перила с одной стороны. Посмотрела и на него, и он мне совсем не понравился: взгляд бегающий, движения нервные, суетливые, на лбу испарина. И он гораздо больше походил на посланника Яковлева. — Мы тебе одолжение сделали, имущество вернули. Могла бы и поласковее с нами.

— Налички нет, могу выразить свое бесконечное восхищение переводом. Телефон верните, — предложила я.

— Прости, дамочка, но у нас другая задача, — сказал первый и схватил меня за руку. — Пойдешь с нами.

Меня предложение не устроило, поэтому я достала и нажала на колпачок баллончика, направляя струю на парней. Первый отпустил меня, заслоняясь от струи, а второй не выдержал:

— Дура, — заорал он и толкнул меня.

Хлипкие временные перила не выдержали, я взмахнула руками, пытаясь уцепиться хоть за что-то, но кабель освещения, небрежно протянутый между стойками фонарей, оказался слабым подспорьем, и я все-таки полетела спиной в овраг.

Полет был совершенно неправильный, слишком долгий, и удара я никакого не почувствовала, просто провалилась куда-то в вязкую темноту. Последнее, о чем подумала, что у второго парнишки явно проблемы со здоровьем, скорее всего, с гормонами, и надо бы ему зайти к нам и пройти обследование...

Говорят, перед смертью перед глазами пролетает вся жизнь. Но если она состоит из череды чужих болячек, наверное, это не так интересно? А я, в общем-то, ничего другого в жизни и не видела.

Просто у меня есть небольшое психическое отклонение — я не могу не лечить. «Вывернутый ипохондрик», как зовет меня мой психиатр.

Когда при мне в детском саду разбивали коленку, я бежала за зеленкой. Потому что иначе я не могла ни есть, ни спать, представляя, как в ране копошатся микробы и копится «всякая бяка». И если у некоторых бывает неконтролируемое желание, например, мыть руки, то мое обсессивно-компульсивное расстройство (или невроз навязчивых состояний) толкает меня бороться с болезнями.

Поэтому моя жизнь у меня перед глазами не пронеслась. Я просто провалилась в темноту, а когда вынырнула из нее, то обнаружила, что немилосердно болит голова и перед глазами стоит темнота.

С трудом подняла руки к вискам, пытаюсь успокоить мигрень. Мне это всегда помогало, помогло и на этот раз. Темнота прояснилась, и я поняла, что лежу на мокром и холодном, смотрю в вечернее небо, и надо мной шумит камыш. Его жесткие стебли царапали щеку и неприятно щекотали уши. Воздух был насыщен сыростью, он почти обволакивал, как мокрое одеяло.

Но это было как раз объяснимо, если я упала с мостика. Непонятно другое.

Похоже, что я сознание еще в падении потеряла, потому что удара не помню. Или забыла... Села, огляделась. Так, кажется, я много чего забыла. Например, что мостик, по которому я из больницы домой бегала, снесли. И лог, видимо, засыпали, только небольшой овраг остался. А когда вместо гаражей лес появился? Закрыла глаза, надеясь, что когда открою, то всё будет на своих местах. Посидела так несколько секунд, прислушиваясь к себе, и заподозрила, что ничего не изменится, если я открою глаза. Звуки не те. Город хоть и небольшой, но шумит по-своему — звук проезжающих машин, сигналы их и светофоров, голоса людей...

А тут только журчание ручья, шум ветра, слабое криканье уток где-то вдалеке, кваканье лягушек и жужжание назойливых мошек, которые явно расстроились, что их ужин не хочет спокойно лежать.

И запахи тоже чужие. Кроме тины и влажной земли в воздухе явно пахло дымом. Терпким, горьковатым, совсем не запахом костра или печи, а скорее пожара.

Понимание этого заставило открыть глаза и оглядеться внимательнее.

Итак, это совсем не город, хотя ручей и похож. Значит, что?

Значит, Яковлев организовал мое похищение. Вывез в лес, а там... Нет, не сходится, он бы просто не успел. А вот нанять отморозков вполне мог.

Боги, ну что же ему все нейдет-то, а? Я плохая жена, которая вместо того, чтобы заниматься мужем и обустраивать семейный быт, всегда предпочитала работу. Он ругался, требовал, чтобы я уволилась, приходил в больницу, устраивал там скандалы и даже запирали меня дома. Проблема в том, что я не могу не работать, иначе заболеваю сама. Егор сначала считал это блажью, потом таскал к психологу и к психиатру, но это ничего не изменило.

Мне казалось, он понял это и смирился, но я ошиблась. Спустя какое-то время он начал обвинять меня в изменах. По его мнению, я изменяла ему с коллегами, с начальством, с пациентами, с охранниками у входа и все свои отлучки из дома прикрывала своим расстройством. Он следил за мной, пытался подловить на лжи, устраивал провокации... Потом просил прощения и некоторое время был вполне вменяемый, а потом на него снова находило что-то и все начиналось сначала. Скандалы вышли на новый виток, а потом супруг дошел до рукоприкладства.

И тогда я подала на развод, благо сыну уже 14, и он способен понять мотивы моего поступка.

Нас развели, я съехала, но Егор стал преследовать меня. И вот я лежу и замерзаю в камышах. И это совсем не дело.

— Эй! — позвала я, оглядываясь вокруг. И... ничего.

Про меня что, забыли? Посидела еще немного, растирая лицо руками, чтоб собраться с мыслями, и решила, что пойду дорогу домой искать. А то лес рядом, а на животных мое нестандартное расстройство не распространяется. Да и согреюсь, а то цистита мне только не хватало. Поднялась. И куда мне?

Так, если бы я упала с мостика, то... Я снова огляделась и побрела. В сторону работы, естественно.

Глава 2. Никольск

Зарево пожара я увидела издалека, и оно отозвалось у меня в груди тоской и безысходностью. Остановилась у обочины дороги, дрожа от холода и обнимая себя за плечи, не в силах сделать ни шага, и стояла смотрела, как небо окрасилось в оттенки кроваво-красного. Пламя, казалось, пожирало сами сумерки, вырывая из темноты пляшущие, зловещие тени.

В голове пульсировала навязчивая мысль: «Что там горит? Кто там остался?» И пугающий ответ: «Мой дом». Холод пробирал до костей, но я не чувствовала его так остро, как ледяной ужас, сковавший душу, когда я поняла это.

Что значит «мой дом»? Больница? Или что-то другое? И вроде надо поторопиться, чтобы всё узнать, а я не могу сделать и шага. Так и застыла истуканом, глядя на свою одежду и руки. Просто это всё не моё. И почему я сразу этого не поняла? Что вообще происходит?

И тут мимо меня проехал экипаж, запряженный лошадьми. Проехал вперед и остановился.

Экипаж. Лошади. Мужчина в странном костюме, что вышел из него. Тут что, фильм снимают? Но, чёрт возьми, почему я решила, что где-то там впереди горит мой дом?

— Барышня, на Синереченск мы правильно едем? — спросил меня мужчина, внимательно рассматривая.

Высок, хорошо сложен, двигается легко. На лице лёгкая небритость, под глазами мешки. Костюм слегка помят. Скорее всего, давно в дороге, вышел размять ноги. Держится спокойно, уверенно, смотрит пристально. Ждёт ответа, явно понял, что со мной что-то не так.

Всё это я оценила за пару секунд. И решила, что передо мной точно не актёр. Но у него костюм и усы чуть подкручены, как в кино!

— У вас усы красивые, — ляпнула я.

И глаза тоже, но это уже странно звучало бы. Хотя после усов уже какая разница?

— А в Синереченск правильно едете. Вам туда, — махнула я рукой и сама опешила.

Какой ещё Синереченск? И я-то откуда знаю туда дорогу?

Так, Наденька, поздравляю, твои проблемы вышли на новый уровень. Остается только самой сдать психиатру.

— А вы куда идёте? Может, вас подвезти? — поинтересовался мужчина.

Ага, подвезите. Наверняка все разговоры с маньяками так и начинаются. Вопрос только в том, кто из нас более ненормален?

— Мне, сударь, в палату для скорбных умом надо бы попасть. Подвезёте? — мило хлопая ресницами, спросила я.

— В Синереченске такая есть? — спросил господин в костюме, жестом приглашая меня следовать в карету.

— Будет, — со всей уверенностью пообещала я. Первый пациент уже есть.

— Что с вами случилось? — спросил мужчина.

Я задумалась, что ему ответить, не рассказывать же про то, что упала с мостика через лог и очнулась в камышах в чужой одежде и с чужими руками. Подумала, и меня накрыло воспоминаниями. Чужими и одновременно моими. Перед глазами мелькнуло лицо — злое, с блестящими от нетерпения глазами. Хлесткий звук пощечины отозвался в висках болью. Никита Гаврилович. Сыромятин. Ударил. У ручья. А потом — темнота.

При шизофрении это обычно вот так вот бывает? То есть все Наполеоны реально как будто бы помнят, что с ними было, когда они были императорами Франции? Хм, странно, нам этого не говорили...

Списать всё на проблемы с психикой было проще всего. Смущали лошади. Мужик. Карета. И пожар впереди. Всё это точно не было плодом моего воображения.

— Я некоторое время была без сознания, поэтому мои мысли могут быть спутанными. Последнее, что я помню, что Никита Гаврилович Сыромятин ударил меня и я упала. Это было на берегу ручья у Волчьей Ямы. А впереди пожар, это горит мой дом. И знаете, не хочу наговаривать, но я убеждена, что это управляющий его поджёг, — выдала я.

Вот уж не знаю, откуда я взяла это в своей поврежденной голове, но в своих словах я была уверена.

— Вы понимаете, что это серьезное обвинение? — спросил мужчина. — Откуда вам это известно?

— А вы понимаете, что меня лишили не только дома, но и вещей, документов и средств к существованию? Я просто хочу, чтобы виновный понес за это ответственность, — ответила я, уходя от вопроса.

Откуда известно? Хотела бы я сама это понять... Я даже не знаю, были ли у меня документы. Кажется, в этой жизни у таких, как я, их не водится. Но раз уж я решила, что происходящее реально, то буду стоять на своем до конца и действовать по обстоятельствам.

— А пять минут назад вы сказали, что собираетесь в дом умалишенных.

— И вы, должно быть, решили, что в качестве пациента? Нет, уважаемый сударь, вы не угадали. Я лекарка, — сказала я со всей возможной уверенностью, которой на самом деле не чувствовала.

В карете я немного отогрелась, тем более что спутник предусмотрительно подал мне одеяло, успокоилась и решила, что пока я не пойму, где я и что со мной, буду изо всех сил притворяться нормальной. А там видно будет.

С таким настроением я и прибыла в поселок.

В поселке Михаил Аркадьевич, так представился мой спутник, оставил меня в избе у околоточного и ушел. Околоточный — толстый усатый дядька — посмотрел на меня с сочувствием, принес старую шинель, достал из буфета в углу блюдо с сушками, потом кивнул на самовар и сказал:

— Ты не переживай так, Надежда, разберемся. Грейся пока. — Вдохнул и вышел следом.

Вывод я сделала, что околоточный меня знает и относится в принципе неплохо. Уже что-то. Откровенной антисанитарии в избе не было, так что шинель я надела, кипятка налила, сушками тоже не побрезговала. Села у окна и принялась рассматривать пейзаж.

Поселок был ухоженный. На центральной улице был деревянный тротуар, вдоль дороги тянулась водоотводная канава, палисадники за аккуратными заборами были в цветах. Но приходили и другие воспоминания — покосившиеся домишки, грязь и бездорожье и вонючий трактир, возле которого летом в траве можно было наткнуться на его посетителей. А еще гуси у пруда и бродящие повсюду овцы и куры...

Итак, меня тут знают и поселок я помню. Волей-неволей начинаешь задумываться о переселении душ. То, что это не сон, очевидно. Слишком ярко, слишком натурально все — от колючей шерсти и запаха табака и пыли на старой шинели околоточного до твердых зачерствелых сушек и воды с легким привкусом меди.

Списать все на шизофрению можно, но... не хочется. Одного отклонения мне более чем достаточно. Поэтому буду считать, что моя душа переселилась в тело местной Надежды. Осталось понять, кто она такая, чем живет и что делать мне, если дом мой сгорел. Логичней всего, кстати, отправиться в Синереченск, там есть уездная больница и я могу попробовать устроиться врачом. То есть лекаркой. Если возьмут, конечно. Потому что похоже, что душа моя решила вернуться лет так на сто пятьдесят назад. Но в России тогда женщины-лекари появились только в конце 19 века, а до этого они могли быть акушерками или сестрами милосердия.

Но то в нашей России. А в этой? Дело все в том, что города Синереченска я не помню, как и Вычегодской губернии и Иренского уезда.

То есть это какая-то альтернативная реальность. Надеюсь, что реальность, а не плод моего воображения.

Кипяток согрел, для себя я приняла решение, кто я, где я и что буду дальше делать, и мне осталось только продумать детали. Например, где взять денег, как получить документы и добраться до Синереченска.

А уехать определенно придется. Во-первых, не факт, что я про травы что-то вспомню, потому что в голове у меня не то чтобы знания, скорее догадки и ощущения. То есть я понимаю, что я в России где-то на Урале, но понятия не имею, какой сейчас год и кто правит. Уверена, что меня ударил приказчик завода, на котором делают горшки и посуду, но не помню, что мы с ним не поделили. Знаю, что собирала у ручья траву, но зачем и что с ней делать дальше — даже предположений нет. Чувствую, что одинока, но не знаю почему. И так далее. То есть в голове решето. Добавим сюда мой небольшой дефект и дождемся того, что меня все-таки отправят в Синереченск в качестве пациентки палаты номер шесть. Поэтому разумнее уехать туда, где меня не знают.

И второй момент — жить мне негде и не на что, крестьяне не факт, что предыдущей Надежде платили чем-то кроме продуктов, так что если и приютят, то кормить не будут. А заводские тем более, у них свой фельдшер есть. И вот опять — что фельдшер на заводе есть помню, что со мной у него отношения не сложились чувствую, а кто он таков и почему так произошло — не в курсе.

Напоминаю, что история пишется в рамках литмоба “Попаданка в белом халате”!

Больше книг про докторов-попаданок по ссылке:
<https://litnet.com/shrt/z7kg>

Глава 3. Судилище

Пока я пыталась латать дыры в собственной голове, вернулись мужчины.

Михаил Аркадьевич, околоточный Данила Петрович (надо же, вспомнила!) и два мужика, что под руки вели приказчика Сыромятина. Следом вошел еще один мужчина, высокий и худощавый, с натруженными руками, но в приличном костюме. Память прошлой Надежды подсказала, что это владелец стекольного завода Иван Артемьевич Шмелев.

— Господин Сыромятин, знакома ли вам сия барышня? — спросил мой давешний спутник, когда все расселись.

— Да кто ж ведьму эту не знает? — скривился приказчик. — Надька это, сирота блаженная, что к заводу прибилась и у леса поселилась.

— Возражаю! — заявила я. — Ответ допрашиваемого носит оценочный и оскорбительный характер.

Происходящее походило на судилище, и я давать себя в обиду была не намерена. Но мужчины от меня такого не ожидали и устали все разом.

— Я не ведьма, — пояснила я. — Всего лишь травница.

— Господин Сыромятин, воздержитесь от оскорблений, — сказал Михаил Аркадьевич, взявший на себя функции судьи и следователя. — Барышня утверждает, что вы с ней сегодня на берегу ручья возле Волчьей Ямы встречались.

— Да я весь день в конторе тружусь, меня все там видели. А баба на то и баба, чтобы глупости нести, какой с нее спрос! — сплюнул на пол приказчик и отвернулся с оскорбленным видом.

— Ты вот что, Никита Гаврилович, не горячись, — вступил в разговор господин Шмелев. — Заходил я днем в контору, не было тебя там. Прождал сколько, да по делам уехал.

— Так я ж живой человек, Иван Артемьевич, мне до нужника отлучиться надо было, или пообедать отъехал, или мало ли какая нужда приключилась. Вы же знаете, я вам столько лет верой-правдой служил! — принялся горячо убеждать приказчик свое начальство.

Хотела вмешаться, но меня опередил мой спутник.

— Данила Петрович, коли мнения расходятся, так пошлите кого честного к ручью съездить и глянуть, нет ли там случайно следов как от сапог Никиты Гавриловича. А вы, господин Сыромятин, позвольте вашу обувь, чтобы слепок снять.

— Да что это такое делается-то, а? — принялся возмущаться приказчик. — Это теперича каждая глупая баба станет напраслину возводить, а честного человека подозревать будут? Даже если и был я у ручья, разве ж это запрещено? Может, у меня там свидание было! Да вот хоть с ней же, — кивнул он на меня. — Что, скажешь, не было?

— Я была у ручья, как и господин приказчик. Я собирала травы, и моя корзина и вещи до сих пор там, обнаружить их несложно.

— Вот что я и говорю! — с победным видом заявил мужчина. — Свидание у меня там было, просто говорить не хотел. А где она потом головой ударилась, я не знаю.

— Господин Сыромятин, а зачем вы тогда от встречи отпирались? И откуда знаете, что у барышни голова разбита? Я вам такого не говорил, — заметил мой спутник, и все устались на приказчика.

Тот отвернулся и сделал вид, что происходящее его не касается.

— Господин исправник, — сказал заводчик, — то, что мой приказчик с работы уходил и у ручья гулял, вы установили. Но я понять не могу, сюда-то нас всех зачем привели?

— Барышня Надежда обвиняет господина Сыромятина в нападении на себя, нанесении ей побоев и поджоге своего дома, — ответил мужчина. — И раз уж я по воле случая оказался вмешан, то считаю своим долгом разобраться в этом деле.

— Да врет она всё, ведьма! Я в конторе был, меня все видели, — заорал приказчик. — И бил ее не я, мало ли с кем она еще снюхалась.

— Надо бы, господа, в доме господина и в конторе приказчика обыск учинить на предмет наличия горючих смесей, — господин исправник оставался спокоен. — А господина Сыромятова я пока под арестом оставляю, потому как побои имеют место быть, в чем все присутствующие могут лично убедиться.

Все снова посмотрели на меня, и в глазах их появилось что-то похожее на сочувствие. Эх, самовар тут не начищенный, хоть в него посмотреться бы, а то я даже не знаю, как выгляжу. Волосы разве что такие же, как у меня — русые, длинные и густые, судя по толщине косы.

— В конторе чулан теплый есть, я велю травнице там постелить, — заявил господин Шмелев. — Еще могу ее помощницей при фельдшере взять.

И тут я вспомнила, что местный фельдшер — большей частью полупьяное создание, которое, как и приказчик, было весьма охоч до женской ласки. В отличие от Сыромятова он был прилипчивым, но не злым. Не любил только меня, считая, что если бы не я, то у него в Никольске была бы обширная практика. Я, мол, у него клиентуру отбиваю.

— Да вы чего? Меня в острог из-за ведьмы этой? — возмутился приказчик. — Да ее кто угодно поколотить мог, баба свое место за мужиком знать должна, а эту вечно носит не пойми где!

Немного странно было это услышать именно здесь и сейчас. Так Яковлев говорил, что раз я вышла за него замуж, то должна его во всем слушать, своего мнения не иметь и желаний тоже. Мол, место женщины на кухне, а если баба ерепенится, то не грех ее и поучить ее.

Остальные согласно закивали, и только господин полицейский исправник испытующе смотрел на меня. А мне сказать нечего. Я прекрасно усвоила, что обязанность доказать вину лежит на стороне обвинения. А кроме неясных убеждений и смутных подозрений у меня ничего нет. Хотела сказать, что приказчик бил и оставил меня в камышах без помощи, и намекнуть, что согласна не поднимать шум за разумную компенсацию вреда здоровью с его стороны, но тут в избу ввалились три бабы с ватагой пацанов.

— Это что еще за представление? — рассердился околоточный. — Кто позволил?

— Так вот, — следом вошел мужчина в форме урядника и, вытянувшись, доложил: — Нашел свидетелей, ваше высокородие! Говорят, видели, кто домишко спалил.

Бабоньки закивали и вытолкнули вперед щуплого мальчишку.

— А мы че? Мы только проследить хотели. Думали, он прятать будет. А он вон что, — поведал парень.

Одна из женщин пояснила, что пацаны крутились возле конторы и увидели, как приказчик куда-то потащил канистру. Увязались следом, думая, что тот хочет ее в лесу припрятать. Ну и стали свидетелем поджога. А когда узнали, что чиновник из столицы ищет виноватого в поджоге и обещал за помощь по копейке дать, признались. Одному-то копейка, а на всех — пятак!

— Вот оно, значит, как. Не ожидал я от тебя, Никита Гаврилович, такого, — сказал Шмелев, нахмурившись.

Ребятня и бабы, получившие рубль, ушли, заверяя, что они, дескать, всегда бдят и беззакония не допустят, и наперебой предлагая заночевать у них. Мужики тоже хмурились. Одно дело непослушную бабу за косы оттащить, другое — дом поджечь. Это хорошо еще, что лето к концу, дождевые кадки полные, да домишко на отшибе, и потому только пожар весь поселок не прибрал из-за одного дурака. А то, что он к травнице клинья подбивал, все знали. Только они Надю блаженной считали, раз от внимания нормального мужика шарахалась. Но мирились, потому как бабы травницу всячески привечали.

И что мне теперь со всем этим знанием делать? Как оно мне поможет в этой жизни устроиться? На выручку пришел Шмелев:

— Я думаю, что господин Сыромятин компенсирует барышне Мезенцевой стоимость ее дома, а дальше мы уже сами разберемся, господин Белозеров. Никто же серьезно не пострадал, зачем вам лишние хлопоты. Тем более, что вы тут проездом, вас в уезде поди заждались, — мягко заметил заводчик, явно имея в мыслях замять происшествие и побыстрее спровадить отсюда полицейского чиновника.

— А еще моральный вред и вред здоровью, — быстро сказала я, пока господин исправник не начал топить за справедливость. — Стоимость дома в трехкратном размере, плюс вещи. А если еще господин околоточный мне удостоверительную грамоту выпишет, по которой я смогу документы в Синереченске восстановить, то будем считать, что ничего не было, и разойдемся прямо сейчас.

Мужички крикнули удивленно, Шмелев смотрел недобро, но под внимательным взглядом чина из столицы согласился, что это будет в какой-то степени справедливо. Сыромятин прожигал меня ненавидящим взглядом, а господин чиновник смотрел с любопытством.

— Интересная вы барышня, Надежда Николаевна, — сказал он, пока околоточный готовил бумаги. — Вы, я вижу, не только травами лечите, но и словом бьете метко. Я так полагаю, дальше вы планируете отправиться вместе со мной?

— А вы против? — спросила я.

— Отнюдь. Мне чрезвычайно интересно будет проследить за вашей судьбой, госпожа Мезенцева, — улыбнулся он.

Глава 4. В новую жизнь

Я покинула родной поселок прошлой Надежды с приличной компенсацией от господина Сыромятова. Выплатил мне ее, правда, господин Шмелев, но уж как они там дальше решать будут, дело их. И отправилась в Синереченск, уездный город.

По дороге из разговора выяснила еще кое-что. Женщин на врачей тут учить уже начали три года назад в Петербурге, но выпуска пока не было. Решила, что если что, прикинусь недоучкой. На вопросы исправника, переведенного из столицы в нашу глушь, я отвечала размыто, и он не стал меня мучить, решив, что произошедшее для меня болезненно. Обсуждать это закончили на том, что я его тепло поблагодарила, что он помог распутать это дело, приказав найти свидетелей. Я понимала, что без участия мужчины не известно, как бы все сложилось. Потому что слово избитой травницы против слова приказчика и чуть ли не второго лица в поселке, ясное дело, стоит немногого.

Нашла я и возможность взглянуть на себя. И была удивлена. Если отбросить то, что на лице у меня расцвели синяки (приказчик, скотина, бил от души) и не обращать внимания на общую изможденность, то это была я, Надежда Николаевна Мезенцева, 37 лет от роду. Меня, конечно, удивило, что господин Белозеров угадал мое имя, учитывая, что девичью фамилию я вернула только после развода, я потом только поняла, что травницу звали также.

Всю дорогу я думала, что все это неспроста и, может, это никакой и не перенос душ, просто бред. Мало ли как работа мозга могла нарушиться после падения, в психиатрии я не сильна, мне бы открытую рану, вот тут у меня в голове что-то шелкает... Больше десяти лет в травматологии, потом морг, мост, и теперь я травница. Но это неплохо. Гораздо лучше, чем если бы было «морг — мост — морг». Но как, почему и зачем я здесь оказалась?

Не бывает в жизни ничего просто так, как травматолог со стажем говорю. Все, что с нами происходит, — или следствие, или причина других событий. То, что мы обычно зовем «роком» или «судьбой», по моему глубочайшему убеждению, это следствие наших поступков и нашего выбора. Понять бы только, что я такого сделала или должна сделать, что оказалась откинута на полтора века назад в параллельную реальность?

По дороге из разговора я вытягивала информацию осторожно, больше слушала. Белозеров сам рассказывал, я лишь кивала и задавала нейтральные вопросы вроде «А в столице, говорят, тоже многое меняется?». Страшно было ляпнуть что-то не то. Одно дело — вслух рассуждать о переселении душ, когда ты одна в карете, другое — признаться чужому мужчине, что ты понятия не имеешь, в какой стране живешь.

Мне же из его рассказов и рассуждений удалось почерпнуть немало полезной информации, например то, что здесь, как и в России в конце 19 века, монархия, царствует Александр второй, и его или хвалят, или ругают за реформы.

Крепостного права здесь в таком жестком виде, как в нашей России, не было, но была и есть приписка крестьян к помещикам и земле, а рабочих к заводам. Разница в том, что человек изначально рождается свободным, а дальше все зависит от семьи и от него. Есть способности и средства выучиться и жить независимо — никто мешать не будет. Но чаще семьи заключали соглашение с помещиком или владельцем завода о той же барщине и оставались на местах. А если год выдавался неурожайный, то «продавали» кого-нибудь из семьи в услужение, пока не выплатят долг. И таким образом крестьяне все равно оказывались в собственности барина или заводчика. Иногда на время, иногда навсегда. Получалось, что семья имела право выкупить такого крепостного, но чаще не имела возможности.

Крепостные, бывало, сбегали и чинили безобразия. По словам Михаила Аркадьевича, именно они и совершали большинство преступлений. Разбойничали на дорогах, в городах

сбивались в шайки, воровали, грабили, убивали. На то, чтобы исправить ситуацию, и были направлены реформы — полицейская, местного самоуправления и своеобразная реформа крепостного права: точнее, запрет менять людей на хлеб. Здешний Александр ввел требование об обязательной оплате работы и ввел понятие минимальной ставки.

Это вызвало недовольство собственников земли, потому что одно дело — пользоваться рабским по сути трудом, другое — платить за услуги. Одновременно с этим начался рост цен на продовольствие, и этим оказались уже недовольны все остальные. Потому что малограмотные крестьяне сбытом сами не занимались, а скупщики закупочные цены не поднимали, в отличие от розничных.

Разобраться с ситуацией и должно было местное самоуправление, в которое должны были входить представители всех сословий. Но и с этим были согласны далеко не все. Поэтому появились «вольнодумцы», которые считали, что именно они знают, как должно быть правильно и лучше для страны. Они критиковали царя и его реформы и призывали «изменить существующий порядок вещей».

— Некоторые считают, что реформы — это лишнее. Что старые порядки надежнее. Особенно те, у кого земли много и крестьяне все закабаленные, — пояснил Белозеров.

К счастью, были и те, кто волю батюшки-царя поддерживал и железной рукой проводил ее в массы. Например, генерал-губернатор Вычегодской губернии. Благодаря ему в Синереченском, Иренском и других уездах нашей губернии были образованы Земства, которые поддерживали порядок и организовали работу на местах. В частности, больница, на которую я нацелилась, была создана как с подачи, так и при участии местного Земства.

Все это мне удалось выяснить из разговора с исправником и что-то выудить из памяти моей предшественницы. В истории, к сожалению, я была не сильна, но отдельные вехи помню. Для нашей России в то время (плюс-минус) местной чумой долгое время была оспа, антисанитария, высокая детская смертность и нежелание крестьян идти к врачам, пока не станет слишком поздно. Что ж, посмотрим, как обстоят дела здесь.

В Синереченск приехали вечером. Я поблагодарила попутчика — тепло, но без лишних эмоций. Мы расстались у гостиницы.

Номер оказался чистым, даже приличным. Я закрыла дверь, привалилась к косяку спиной и выдохнула. Кажется, первый день в новом мире прошел без провалов.

Теперь надо придумать легенду. Травница, недоучившаяся лекарка. Много путешествовала, оттого могу знать что-то, чего не знают местные. Дом сгорел, приехала в Синереченск за новой жизнью. Частную практику мне никто не разрешит — разве что акушерскую. Значит, иду в земскую больницу. Если не возьмут врачом — пойду акушеркой. Руки те же, голова та же, а диплома нет. Есть только знания и привычка лечить.

Ну что же, здравствуй, моя новая жизнь. Что ты мне приготовила на этот раз?

Глава 5. Постоялый двор

Гостиница моя оказалась постоялым двором с небольшим трактиром на первом этаже, куда я спустилась поужинать. Из Никольска я уехала в том, чем со мной поделились сочувствующие мне бабоньки, по дороге у нас было только одно более-менее крупное село, и там я купила кое-что из одежды, но переодеваться не стала, решив, что уездный Синереченск даст больше возможностей для шопинга. А потому вид у меня был самый затрапезный, и половой отвел меня в самый угол, чтобы я не мозолила глаза «господам».

Зато оттуда я могла наблюдать за публикой, которая была довольно разнородной. Кто-то заказывал, как и я, ужин, кто-то просто расслаблялся после трудового дня, не особо налегая на закуску, кто-то осел у буфета и цедил там кипяток с нехитрыми закусками. С одной стороны, мне было любопытно увидеть столько разночинного народу в одном месте, с другой, запах с прибытием «черной» публики, которую провожали в мою сторону, установился сильный и довольно стойкий. К тому же граждане отдыхающие все чаще бросали на меня любопытствующие не вполне трезвые взгляды.

Хотела спросить полового, как мне добраться до земской больницы, и поискала его глазами. И замерла. Из-за одного из столиков в «чистой» половине трактира на меня насмешливо смотрел тот самый парень, что встретил меня на мосту и забрал мою сумку у воришки.

Или просто похож? Я же похожа на травницу, точнее, она оказалась почти вылитая я. Парень был одет как служащий или студент, в какую-то форменную тужурку, и я бы его, возможно, и не заметила, если бы он смотрел так, будто знает меня. Я замешкалась, не зная, что мне делать — подойти и спросить, как я тут оказалась и что ему от меня надо, или сделать вид, что мы не знакомы.

Но тут за расчетом подошел половой, я потеряла парня из вида, а когда отдала деньги, его уже не было.

— Постойте, голубчик, — остановила я полового. — Сейчас там молодой человек в тужурке был, не знаете ли его?

Мужчина покрутил головой, будто искал, про кого я говорю, и пожал плечами:

— Студизусы иногда заходят. Чего-то еще изволите-с?

— Да, подскажите, земская больница далеко ли?

Оказалось, что пока больница в самом центре, но отдельные корпуса уже строятся в отдалении, на горе. И что если я хочу туда на прием попасть, то с утра надо идти и очередь занимать, потому как народу с окрестных сел много съезжается, поскольку прием земство оплачивает, а простой люд этим пользуется в свое удовольствие.

— А что студизусы? — спросила я снова. — Чему их тут учат?

С некоторой гордостью мужчина поведал, что в Синереченске открыто Промышленное училище, где есть горнозаводское отделение, сельскохозяйственное и нынче набрали уже отучившихся студизусов для дополнительного обучения химии. И преподаватели там есть из столицы, сведущие в разных науках, а не только в горном деле и посевах.

Честно говоря, удивилась, вот чего-чего, а обучения химии в провинциальном городке не ожидала. Хотя 19 век вроде бы временем ее расцвета как раз и был. Ну что же, зато это дает надежду, что тут из лекарств не только касторка, каломель и кровопускание.

Поблагодарила мужчину за советы и пояснения монеткой, попросила разбудить меня с восходом и отправилась к себе, чтобы с утра отправиться устраиваться на работу.

Ночь прошла благополучно, а на рассвете мне деликатно постучали в двери и сказали, что я просила разбудить. Я переделалась в максимально приличное платье из того, что у меня было, и отправилась к больнице. Там действительно народ уже занимал очередь, и какой-то шустрый

папан сказал, что мне надо подойти к специальному окошку, сказать, зачем я приехала, назвать свою фамилию и после этого ждать, когда позовут.

У окошка тоже была очередь, поэтому я спросила парня, куда идти, если я по работе. Он мне все равно указал на окно, так что пришлось вставать и ждать, когда я смогу узнать, что меня интересует.

Заодно опять разглядывала публику.

Преимущественно здесь собрались люди крестьянского сословия, самые разные — были и пожилые, и мужики, которые недовольно хмурились, будто не понимая, что они тут делают, и мамыши с детьми. Очередь у окошка двигалась быстро, и я оценила почему.

Местная регистраторша даже не смотрела на посетителей, она спрашивала фамилию и писала ее на отдельном листочке, потом с чем пришли коротко и по делу. После чего делала пометку себе и откладывала листочек в одну из стопочек. Говорить и рассказывать себе о болячках она не позволяла, говорила, что как позовут, так там и расскажет.

Посетители недовольно ворчали, но отходили и садились на лавки, которые вокруг стояли во множестве, ожидая, когда их позовут.

— Я по работе. Хочу устроиться фельдшером или лекаркой, — сказала я, когда подошла моя очередь.

Тогда только женщина подняла на меня глаза.

— Лекаркой? — переспросила она.

— Да, — твердо сказала я. — Я могу лечить.

— Так а что вы тут стоите, время мое тратите? Идите к Ивану Никодимовичу, пока прием не начался. Он до обеда людей принимает, а потом на выезд уедет. И вот это ему передайте, — она протянула мне список фамилий с пометками и кивнула на дверь рядом.

— Я к Ивану Никодимовичу, — сказала сестре милосердия, войдя внутрь двухэтажного каменного здания. — По поводу работы.

— Пойдемте, я провожу вас, — сказала милая девушка.

Она провела меня по коридору, постучалась в одну из дверей и сообщила, заглянув туда:

— Иван Никодимович, к вам по поводу работы.

После чего улыбнулась мне и вернулась обратно к конторке у входа.

— Добрый день, барышня, — поприветствовал меня мужчина лет сорока в круглых очках, с пышными усами, окладистой бородой и цепким внимательным взглядом. — Хотите быть сестрой милосердия? Какие курсы проходили? Где работали до этого? Давайте ваши бумаги.

А на меня неожиданно робость напала, и я самозванкой себя почувствовала.

— Я из Никольска, травница, — сказала я, — у меня дом сторел, и я работу врача или лекарки ищу.

Мужчина недовольно нахмурился.

— Травница? — осмотрел он меня внимательнее. — А хотите врачом быть? Травами, куклами, заговорами и красной нитью лечить будете?

— Я немало умею, проверьте, если хотите, — сказала я. — В Никольске фельдшер заводской есть, поэтому я не практиковала там.

— С заводами беда, да, — проговорил мужчина. — И помещений не допросишься, а если и выделяют, то условий никаких. Ну, если в лекарстве немного смыслите, тогда вставляйте на прием за фельдшера. Кому можете помочь, сами принимайте, не справитесь — ко мне отправляйте или Федору Францевичу передавайте, вы с ним в одном кабинете работать будете. Согласны так?

И посмотрел испытующе, наверное, думал, что откажусь. Кивнула согласно.

— Ну так что стоите ждете? Форму вам выделяют и полотенце, инструменты покажут и что где у нас находится. Идите готовьтесь, прием вот-вот начнется, — мужчина махнул мне

на дверь. — Машеньке скажите, что с сегодняшнего дня вы новая фельдшерица на осмотр. Она всё организует.

Что, вот так просто бери и вставай на прием? Должно быть, вид у меня был несколько озадаченный, потому что мужчина рассмеялся спокойным добрым смехом:

— Да не пугайтесь вы так! — сказал он. — Просто у нас рук не хватает, а сегодня студизусы придут за заключениями, что здоровье им учиться позволяет. Вам только их осмотреть, чтобы чахоточных не было или еще каких заразных, они летом в шахтах и на заводах на практике были. Машенька всё подскажет, ну и Федор Францевич, наш фельдшер, если что, под рукой. Он за вами приглядит, он человек опытный, глупостей наделать не даст. А опосля поговорим про работу.

Поблагодарила и пошла искать Машеньку. Хм, а вчерашнего студента я встречу?

Глава 6. Прием

Машенькой оказалась женщина примерно моего возраста, под сорок, невысокая, мило-видная и улыбчивая.

— Студентиков посмотрите? — спросила она меня. — Вот и чудненько! Федор Францевич рядом будет, он, если что, поможет. Только вы уж их заставляйте до исподнего раздеваться, а то они чего только не тащат с практики.

Дальше Мария Сергеевна провела меня по больнице и показала, что где у них находится. Помогла надеть мне халат, выдала мыло, полотенце, «на всякий случай» крепкой водки и показала, где взять раствор карболки, а где они держат хлорную воду. После чего отвела в большую комнату, разделенную ширмой на части, взглянула на часы и сказала, что сейчас будут запускать пациентов, и объяснила, что моя задача — прослушать, осмотреть кожные покровы и дать заключение о готовности к учебе или направление на дальнейшее обследование.

Федор Францевич оказался весьма бойким старичком, который был мне искренне рад.

— Студиозусов возьмете, это хорошо, — тараторил он, моя руки, — очень беспокойный народ, и шутки у них отвратные. Некоторые специально не моются, чтобы тут своей черной рожей людей пугать. Бабульки крестятся, плюются, а тем и весело. В прошлый раз одна дюже крепкая оказалась, да не из пугливых. Так она такого шутника чертом обозвала и так по хребтине перетянула, что пришлось ему помощь оказывать. Так они через двоих заходят, но вы тогда уж их побыстрее примите, и пусть идут себе с миром. А то опять баламутить всех начнут.

Важность задачи избавить больницу от нашествия студентов я поняла и сказала, что готова приступить к делу.

Машенька радостно закивала и побежала сказать у входа, что можно начать запускать народ. Запускали не всех сразу, сестра, что проводила меня, громко читала фамилии и говорила, в какой кабинет им идти. Дальше двое заходили в кабинет, пока одного осматривали, второй готовился к осмотру.

Шло всего три потока — основной в приемное ко мне и Федору Францевичу, случаи посложнее направляли сразу к Ивану Никодимовичу, и была отдельная очередь из мамашек с детьми к доктору, с которым я не успела познакомиться.

Федор Францевич был за дежурного фельдшера, он проводил первичный осмотр и решал, что делать дальше — дать назначение и передать пациента сестрам, заниматься им самому или направить к Ивану Никодимовичу.

Мне же достались студиозусы, которые вернулись с практики и через неделю должны были приступить к учебе. Это были взрослые с виду парни, но сущие дети внутри. Как и сказал Федор Францевич, многие из тех, кто проходил практику в каменноугольных шахтах, мало того, что не мыли лица, два шутника еще и рога из дерева себе выстругали, и в коридоре подсаживались к больным, что ждали очереди, и уговаривали их продать душу, утверждая, что жить тем все равно осталось недолго.

Мария Сергеевна, когда это просекла, отправила обоих ко мне.

— Раздеться и умыться, — велела я, подвигая к себе ящик с мед.картами студентов и думая о том, что сотня таких вот шутников для городка с населением чуть меньше десяти тысяч — серьезное испытание. Здесь должны жить исключительно стрессоустойчивые люди. — Фамилии?

— Раздеться мы всегда готовы! — обрадовались парни и принялись скидывать все с себя. — Только вы нас хорошенько везде пощупайте!

— Непременно, — согласилась я.

И так почти все. Гораздо спокойнее были студенты-химики. Они летом помогали в переоборудовании железоделательного завода в химический, потом участвовали в его запуске, оттого прониклись серьезностью момента и вели себя как взрослые люди.

— Савва Тимофеевич еще один химический завод строить будет, как дорогу до Москвы строить начнут, говорит, хорошо ему тут, леса много, — делился со мной один словоохотливый студент. — Сказал, самых ответственных и талантливых на работу возьмет. Степашкину уже предложил у него остаться, даже за обучение заплатит вызвался. Ну это-то и понятно, его все себе хотят, — вздыхал парень.

Познакомилась я и со Степашкиным. Это оказался серьезный молодой человек в круглых очках, собранный и аккуратный, я бы даже сказала, педантичный. Он зашел вдвоем с приятелем, и пока тот разливался соловьем, этот сосредоточенно разделся, аккуратно расправив, повесил форменную куртку на спинку стула, остальное сложил стопочкой и присел ко мне за стол.

— Химические ожоги? — уточнила я, осмотрев парня и признав состояние его здоровья в целом удовлетворительным. Смущали только ладони.

— Да, кислота попала. Но уже все прошло, не беспокойтесь, я знаю, как с этим быть.

Кивнула, сказала, если что, то пусть подходит, и перешла к его нетерпеливому приятелю. С тем было все хорошо, не считая излишней нервозности. Подумала, что это странно — нервный этот, а кислотой обжегся тот. У Белугина шансов пролить на себя что-нибудь, по моему мнению, было больше, поскольку он и вещи свои побросал как попало, егохватило только на то, чтобы, подражая приятелю, аккуратно повесить форменный сюртук.

Из всех студентов отправила на обследование одного, найдя у него проблемы с глазами. Но это и неудивительно, для развития силикоза или «черных легких» нужно время, а чахотка вообще-то инфекционное заболевание, которое в 19 веке считалось даже благородным. Но если речь зашла о ней, то на шахты надо бы с проверкой ехать... Эти хоть и здоровые вернулись, но лучше перебдеть, как говорится.

— Федор Францевич, — зашла я за ширму. — А мне про чахотку Маша говорила, скажите, в том году студизусы с ней приезжали?

— Да, несколько человек из тех, кто горнозаводское дело проходил, с ее признакам вернулись. Иван Никодимович владельцам отписал, помощь предложил, но мы не успели, на Алексеевском руднике она многих уже выкосила, — охотно откликнулся мужчина, при этом споро вскрывая нарыв бородатому мужику. Тот сидел выпучив глаза и зажав зубами собственный картуз. — Аннушка, — обратился он к сестре-помощнице, — промойте, голубушка, пациенту рану, я дренаж подготовлю.

Ну точно, в России в 19 веке антибиотиков не было, так что смертность приличная была. А еще уездный фельдшер лечил практически всё, специализаций у них не было.

— Вы со студизусами закончили? Быстро, — сказал мужчина.

— Я могу помочь и с остальными, — предложила я, жадно наблюдая, как сестра обрабатывает рану, и понимая, что все равно не уйду, пока не увижу, что ее привели в должный вид. Моя шизофрения с азартом наострила уши. — Если больше веселой братии сегодня не будет.

— Буду весьма вам признателен, сударыня. А таких шустрых не будет больше, это только горняки такие. Нравится им, понимаешь, углем мазаться перед отъездом. Будто не откатчиками в лучшем случае были, а в забое работали. Да кто ж им позволит? В них денег вложили, а ума забыли. Вот до первого несчастного случая и дурят, балбесы, — говорил фельдшер, возвращаясь к ране.

Он сдавливал ее края, выдавливая гной, сестра очищала, судя по реакции, перекисью водорода, мужик сопел и тер рукой глаза.

— Видали, какую штуку нам химики наши придумали, — похвастался Федор Францевич. — Из серной кислоты делают. Аж пенится, как мыло, когда рану чистит. Вот уж кто спокойные ребята. Профессор, говорят, лучших отбирал, когда сюда собрался. Иван Никодимович всё хочет им такое средство заказать придумать, чтоб заразу всякую убивало, но у них руководитель отделения пренеприятнейший тип, такую сумму запросил, что земский совет нам ее никогда не одобрит. За новую больницу строители меньше хотят. А как вы, сударыня Надежда Николаевна, с художественной штопкой дружите ли? А то у меня глаза уже не те, что раньше, да и руки подводят.

— Дружу, — сказала я. — Сейчас руки обработаю и зашью. А кто, говорите, из химиков самый способный? Степашкин?

— Да почти все старшие ребята хорошие. Морозов под них несколько заводов планирует открыть. В дорогу только пока всё упирается. Губернатор хочет строить, переговоры ведет, да местный градоначальник упирается.

— А что так?

— Так у него братья — владельцы пароходства, им тут конкуренты не надобны. Вот и нашла коса на камень, — делился мужчина. — Эка, как ловко у вас вышло, Надежда Николаевна. Ну всё, уважаемый, на перевязку через два дня к Марфе Семеновне пожалуйста, — махнул он рукой мужику с мятым картузом, — стопочку пропустить можно, но только одну. Аннушка, голубушка, объявляй перерыв, перекусить бы надо, да поговорить с любезной Надеждой Николаевной, где нынче так ловко шить учат.

Закрепляла нить, а сама крутила в голове — химический завод, профессор из столицы, лучшие студенты... Интересно, а тот парень из трактира тоже среди лучших? Или из тех, кто рога носит? В любом случае, в больнице, несмотря на слишком внимательные взгляды персонала, мне понравилось. Я чувствовала себя тут на своем месте и решила, что приложу все усилия, чтобы остаться. А про студентов, училище и остальное позже расспрошу, куда ведь они отсюда уже не денутся.

Глава 7. Обживаемся...

То, что доктора среди рабочего дня устроили перерыв, никакого ропота и возмущения среди пациентов не вызывало. Они так же чинно сидели в коридоре на скамейках и ждали, когда их примут.

В небольшой комнате стоял стол, Мария Сергеевна уже выставила на него самовар, а Аннушка расставляла пиалы с вареньем и нехитрую снедь.

— Яблок нынче много и шиповника, так что чаек у нас исключительно полезный, — говорил Федор Францевич, — и пироги хороши. Присаживайтесь, любезная Надежда Николаевна, познакомлю вас со всеми. Так откуда вы к нам пожаловали, говорите?

Пришлось придумывать на ходу. Сказала, что сирота, жила у тетки в Петербурге, там же увлеклась медициной. Как вольнослушательница посещала лекции в университете, работала сиделкой в Екатерининской больнице, там же проходила фельдшерские курсы. Но свидетельства нет, поскольку не окончила их, а уехала сюда, на Урал, из-за личных обстоятельств. Долгое время жила в Никольске, селе Иренского уезда, там меня знают как травницу. Но дом мой сожгли, и потому я переехала сюда. И пришла искать работу, потому что Синереченская больница и в Иренском уезде известна.

Историю мою приняли, хоть слепила я ее, что называется, «из того, что было». Точнее, из того, что по дороге у своего спутника вызнала и из осколков памяти прежней Нади. После этого немного поспорили о том, надо ли женщинам получать образование. Федор Францевич решительно выступал за то, что учить женщин нужно.

— А то возьмем, к примеру, повитуху, — рассуждал он. — Ну не идет у нее младенец, допустим, лежит не так или схватки слабые. Так они вместо того, чтобы его аккуратненько повернуть в нужное положение или матери живот простимулировать, родовые пути сахаром посыпают. Мол, на сладкое сам выйдет. Оттого и смертность у нас и детей, и матерей высокая. Потому что бабы в больницу рожать не идут, на неграмотных повитух надеются.

— Женщина испокон веков у печи стояла, там ей и место. Не мы это придумали, так предками нашими завещано, — возражал Яков Илларионович, бородатый мужчина сурового вида, заведующий больничной аптекой. — А если помереть судьба, значит, господу Богу так угодно, и не нам с этим спорить.

— Эко у вас все просто, Яков Илларионович. Что же вы супругу свою тогда к Ивану Никодимовичу привели, когда ей помощь потребовалась, а не Богу ее лечение доверили? — рассердился Федор Францевич.

Видя, что разгорается спор, вмешался третий мужчина за столом:

— Женщинам следует больше внимания детям уделять, — сказал Андрей Львович, молодой мужчина лет тридцати, задумчиво глядя в окно. — Намедни опять пришлось все бросать и к барыне Тихомировой ехать, пострел ее гороху в нос натолкал. Хотел пулять им вместо соплей. Третий раз уж за неделю присылает пролетку. С другой стороны, говорят, опять война будет с турками, никак они не уймутся. Так отчего бы не научить женщин в госпиталях помогать? В Европе, говорят, медицине разрешили женщинам учиться.

— А чего ты, Андрей Львович, все на Европу смотришь? Никак уехать собрался? — спросил Федор Францевич. — Так тебе там не понравится, точно говорю. Тесно и пахнет плохо, тут куда как просторней. Дороги только плохие, ни весной не проехать, ни осенью...

С последним все согласились, поспорили немного о том, будут или нет у нас строить ветку железной дороги, и разошлись.

Андрей Львович поехал по вызовам, Федор Францевич вернулся к приему, Яков Илларионович к себе в аптеку, а за меня взялись женщины.

Было их пятеро — Аннушка, что помогала фельдшеру, Мария Сергеевна, она была одновременно сестрой-хозяйкой и администратором, Марфа Семеновна, она же процедурная сестра и акушерка по совместительству. Еще в больнице трудились Александра Ефимовна, медсестра при Иване Никодимовиче, это она до открытия приема составляла списки посетителей, и Настенька, девушка, что встретила меня у входа, а после начала приема сменила Александру Ефимовну у окошка.

Здание больницы было на первый взгляд большое, двухэтажное с несколькими отдельными входами, земство выкупило его у купца Бородулина, когда тот решил перебраться в столицу. Но по факту здесь располагалась и аптека, где делали и продавали лекарства, находился стационар на шесть коек с отдельным входом, инфекционный блок, к счастью, сейчас пустовавший, операционная с палатой наблюдения, а еще часть комнат на втором этаже занимали Федор Францевич и Андрей Львович, которые, как и аптекарь, жили при больнице. Так что места было немного, о чем очень сокрушалась Мария Сергеевна, приведя меня в небольшую комнатку с полками во все стены, закрытыми тканевыми занавесками и письменным столом.

— Вот построят новую больницу на горе, так устроимся, как люди. Еще б только врачей набрать, а то со всех ближайших уездов к нам едут и с заводов тоже. А вас, Надежда Николаевна, мы пока лекаркой оформим. А потом посмотрим, может получится вас на курсы послать в Петербург, там, говорят, сейчас открывают для женщин разное — не только акушерские, но и врачебные хотят сделать. А аптекаря вы нашего не слушайте, он такой оттого, что у него супруга больна. Давайте ваши документы. Живете-то вы где?

Сказала, что в гостинице, и Машенька тут же захохла, что это сплошное расточительство. Сказала, что многие в Синереченске сдают дома и комнаты студиям и это гораздо дешевле, чем в гостинице или на постоялом дворе жить. И тут же предложила мне показать приличный дом, хозяйка которого сдает комнаты.

— А как же работа? — удивилась я желанию женщины отправиться прямо сейчас.

— Острых разобрали с утра, а теперь Илья Семенович к дежурству приступил, ему Настасья помогает. После обеда спокойно обычно, а вот ближе к вечеру и ночи суетно бывает, когда с деревень и заводов травмированных повезут, которым на месте не смогли помочь, — пояснила женщина, снимая халат и накидывая шаль. — Пойдемте-пойдемте, с полчасика у меня точно есть!

Привела меня женщина к симпатичному особняку с солидным кирпичным низом и резным деревянным верхом.

— Здесь вдова бывшего градоначальника комнаты и апартаменты сдает, ей муж этот дом по специальному проекту строил. Есть комнатухи по три рубля, есть по пять и по десять апартаменты с собственными удобствами. И тот дом рядом тоже Риммы Осиповны, но там уже подороже. Позаботился супруг, чтобы после его смерти жена ни в чем не нуждалась, — рассказывала мне женщина, толкая калитку в заборе сбоку от дома.

В парадный вход она меня не повела, а через калитку мы попали на придомовую территорию, обошли здание с обратной стороны и оказались перед двумя подъездами и будкой сторожа.

— Павел Никитич, а я вот жилищку привела новую, — весело сказала женщина вышедшему нам навстречу старику с клюкой. Найдется ей комната?

— Какая надобна — с отдельными удобствами или общими? Завтраки и ужины интересуют ли? Белье и прачку предоставить или свое имеется? — принялся обстоятельно расспрашивать старик, внимательно рассматривая и оценивая меня.

— Рекомендую взять с бельем и прачкой, — услышала я знакомый голос и обернулась. От калитки к нам, улыбаясь, шел господин Белозеров. — Доброго дня, сударыни. Рад снова видеть вас, Надежда Николаевна.

Мужчина чуть склонил голову в приветствии, кивнул сторожу и вошел в один из подъездов.

— Знакомец, стало быть, ваш исправник новый, — сказал сторож скорее самому себе. — Ну так какую комнату барышня желает?

А я стояла и думала, что хотя городок наш небольшой, но все-таки удивительно, что я снова встретила этого мужчину. И одновременно стало спокойно, будто поселившись в этом доме, я опять оказалась под его защитой и покровительством.

— С прачкой и удобствами, если можно, — ответила я сторожу.

Глава 8. Сумасшедшая или?..

Следующую неделю я осваивалась в новой роли уездной лекарки. Участок для курирования мне, как и Федору Францевичу, не выделили, я работала только на приеме, была кем-то вроде дежурного доктора. С персоналом я тоже нашла общий язык, даже сама не ожидала, что меня довольно тепло примут.

Исключением были аптекарь, который меня подчеркнуто не замечал и Марфа Семеновна, к которой больные после наших с Федором Францевичем манипуляций ходили на перевязки. Она не относилась ко мне плохо, держалась ровно, это скорее я ее отчего-то побаивалась.

Хотя не только я. Больные за глаза звали ее не иначе как ведьмой или цыганской баронессой. Своими черными глазами и привычкой все время кутаться в цветастый платок она на самом деле напоминала цыганку, а ее манера смотреть неотрывно и чуть исподлобья заставляла замолкать даже самых буйных.

Как-то привезли к нам студентов, химика и горняка. Обоих с многочисленными порезами. Юноши изобретали взрывчатку на замену пороху, чтобы ей было удобно работать в шахтах. Но что-то у них пошло не так. Химик молчал, а горняк... Впрочем, они всегда чуть навеселе. И тогда Федор Францевич велел позвать Марфу Семеновну помочь очистить раны от осколков стекла.

Она пришла, глянула на балагура, и больше мы его не слышали.

Отпуская студентов, Федор Францевич напомнил, что опыты вне учебных стен им запрещены, и поэтому он поставит в известность куратора. Студенты ушли понурые, хотя химик все косился на баночку с коллодием, которым им обрабатывали и заклеивали порезы. А я сделала себе в памяти зарубку поинтересоваться у сторожа, не снимает ли в нашем доме комнату кто из химиков. А то кто знает, что у них еще взорвется в следующий раз. Нитроглицерин вообще штука опасная, если они с ним экспериментировали. Или с селитрой игрались? Лучше бы пенициллин изобретали, честное слово!

Даже бородатый мужик, которого я зашивала в первый свой день на работе, как-то выловил меня в коридоре, схватил за руку и чуть не слезно попросил:

— Сударыня лекарка, Христом Богом прошу, посмотрите меня!

Я подумала, что у мужика воспаление началось, и пригласила его за ширму. Сняла повязку, но рана на удивление была вполне пристойной.

— Что-то беспокоит? — спросила я, аккуратно прощупывая края.

— Все хорошо, сударыня, и не болит совсем, век за вас всех молиться буду! — заверил мужик.

— А зачем пришли тогда? — удивилась я.

— Так ведьма ваша сказала, что если не приду, проклянет, — поделился мужик. — Так вы уж ей передайте, что, дескать, был, как положено. А можно уже не ходить-то, а? Хорошо же все... А то дома работа стоит, пока я тут ошиваюсь.

Пришлось отпустить бедолагу, наказав рану от грязи беречь, уж очень жалостливо он смотрел. Если у него за пару дней все прошло почти, то дальше организм сам справиться. Но на всякий случай припугнула, что если будут ухудшения, значит, ведьма действительно прокляла и надо возвращаться.

Федор Францевич только улыбался в усы, когда я ему жаловалась, что теперь пациентов Марфой запугиваю.

— Так деревенский мужик в больницу идет, только когда идти-то уже и не может, — говорил он. — А на перевязки точно не будет ходить и за раной следить. Скажет, что дальше само заживет. А тут ведьма, вот и страшно, вдруг на самом деле проклянет.

Впрочем, безропотно принять свою участь соглашались далеко не все. Родители везли на прием детей, мужа — жен. Первые чаще всего доставались Андрею Львовичу, вторые — Марфе. Иван Никодимович брался за них, только если требовалось серьезное вмешательство.

— Совершенно невозможно работать, когда под дверью голосит мамаша или рычит муж, — жаловался он. — Марфа, не посылай ко мне рожениц, пусть тебе в следующий раз сударыня Надежда Николаевна помогает.

— А ежели резать придется? — спросила Марфа, бросив на доктора тяжелый взгляд.

— Голубушка Надежда Николаевна, а не доводилось ли вам, часом, людей резать? — спросил меня любезнейший Иван Никодимович.

— Доводилось, — сказала я.

— И как, выжили ли они после этого?

— В основном да, — ответила я.

— Вот и чудненько. Марфа, ты меня поняла, — строго сказал наш главврач.

Женщина кивнула, и когда нам в следующий раз привезли роженицу, что не могла родить сама, она пощупала ей живот и сказала:

— Крупный ребеночек и лежит неправильно. Как же ты, мать, такого богатыря выносила? Ну не бойсь, Бог да не оставит, — сказала роженице женщина. — Пойдем, Надежда Николаевна, поможешь. У тебя рука узкая, поможешь повернуть, может и не придется резать.

Мужик, что привез свою жену, сбледнул и хотел что-то сказать, но всего один взгляд нашей штатной ведьмы, и он молча схватился руками за волосы и осел возле телеги.

Приходили к нам помогать и санитары, в основном поворачивать, таскать и держать больных. Зарплата им не полагалась, точнее, полагалась, но настолько мизерная, что никто на эту работу идти не хотел. Так что санитаров нам выделяло отделение полиции. Из тех, кому за провинности назначали общественные работы. Минус был в том, что граждане это были недисциплинированные, необязательные, никакой квалификации они не имели и появлялись не каждый день. Но под руководством той же Марфы перетаскать больного были способны.

Иван Никодимович пытался выбить финансирование на санитаров, но Земский Совет был непреклонен — или деньги на них, или на строительство новых корпусов. Поэтому обходились тем, что есть.

Роженицу наши «санитары» перенесли крайне аккуратно и положили на стол к Марфе.

— Давно рожает, — сказала женщина, едва взглянув на девушку. Та и правда выглядела вымотанной и уже ко всему безразличной. — Но вроде живой пока. Сейчас я буду на живот давить, а ты снизу рукой помогай повернуть. Если не вытащим, то тут уж как Бог положит. Но попробуем.

Пока я обрабатывала руки и родовые пути пациентке, Марфа сделала что-то невероятное. Она приблизила свое лицо к лицу девушки, повернув ее голову, и приказала:

— Смотри на меня!

Та распахнула глаза и уставилась на акушерку. Некоторое время смотрела, потом глаза ее закатились, и она сама как будто вся обмякла.

Я испугалась и потянулась проверить пульс.

— Нормально с ней всё, спит. Давай работать, — сказала Марфа. — Смотри, вот тут ребеночек лежит, поворачивать вот сюда будем, — рисовала она схемы пальцем на животе роженицы, а я как будто видела, как лежит младенец и что нужно сделать. — Пуповина его замотала, так что крутить осторожно. Там, если надо, надрежь, потом заштопаем. Если сам не пойдет... Там видно будет. Ну да с Богом.

И она начала давить на живот женщины в разных местах, а я все еще была будто зачарованная и мне казалось, что я на самом деле вижу, что происходит внутри женщины. Ввела руку ей в промежность, ухватила ребеночка за ножку и начала аккуратно поворачивать.

— Подожди, — говорила Марфа, — сейчас подтолкну, перехватишь.

Наверное, это был гипноз. Обычный цыганский гипноз, потому что иначе я никак не могла объяснить, откуда я понимала, что я делаю, как и зачем. То есть акушерство и гинекология у нас были, но сейчас я ощущала не только руками, у меня перед глазами стояла картинка, как это все происходит внутри. Или мое отклонение вышло на новый уровень...

Хотя нет, все-таки гипноз. Не будет же акушерка на самом деле бить пациентку по щекам и орать на нее:

— Тужься! Ну! Еще! Давай!

Девушка испуганно вздрогнула, напряглась и... у нее начались схватки. Хотя я уже мысленно вспомнила все, что касается кесарева сечения.

Рядом оказались Машенька и Аннушка с теплой водой и пеленками, они приняли ребенка, я перерезала пуповину, глядя на свои руки словно со стороны. Затем раздался громкий плач, и тогда только наваждение спало и я замерла, пытаюсь понять, что это вообще было.

— Надежда Николаевна, я послед дождусь, а вы идите, чаю выпейте, — как ни в чем не бывало сказала Марфа. — Смородиновое варенье у Аннушки удалось нынче.

Кивнула и пошла пить чай. Итак, у меня рецидив. Наверное, после удара головой. Надо бы Ивана Никодимовича попросить осмотреть меня. Потому что не может у нормального человека быть выборочного псевдорентгеновского зрения. А больное воображение и галлюцинации — вполне. Так на что ставим?

Глава 9. Дар?

Я сидела в буфетной возле самовара и бездумно пила кипятков. И всё же, что это было — галлюцинации? Я видела, как Марфа взглядом ввела пациентку в сон, а потом приказала ей тужиться, и у той начались схватки. Нет, не похоже это на галлюцинации. Наверное, всё-таки гипноз, тогда это вполне объяснимо.

А вот то, что мне вдруг стало казаться, что я вижу, что происходит внутри женщины, это проблема. Потому что гипнозом такое не объяснишь. А шизофренией вполне. И значит, мне не стоит работать с людьми, а то мало ли что ещё привидится.

От понимания этого стало грустно и тоскливо. Мало того, что я, кажется, умерла в своем мире, потому что какой-то идиот спихнул меня с подвесного моста, так и в новой жизни мне не повезло, тут я тоже оказалась с отклонениями.

Зато это доказывает, что некоторые психические заболевания всё-таки обусловлены генетически. Ведь если судить по тому, что местная травница от меня практически не отличается, то мы с ней родственники. Возможно, она моя прабабушка или прапрабабушка. Только вот мне сейчас от этого ничуть не легче...

Я снова сделала глоток кипятка.

— Белый чай, смотрю, пьете. И как, вкусно? — спросила Марфа, присаживаясь рядом. — Чего варенье не взяли, Надежда Николаевна? Стесняетесь или боитесь, что отправим?

— Думаю, может оно и не варенье вовсе. Может, оно мне блажится, — ответила я, все также бессмысленно таращась в чашку.

Женщина рассмеялась тихим смехом.

— Ежели вы про то, что я роженицу нашу в сон отправила, так ей отдохнуть надо было и сил чуть набраться. Да и ребёночка ворочать через живот больно. Кстати, мужу ее сказали, что пацан у него, так он куда-то убежал. То ли в лавку, то ли в кабак.

— Напиться что ли удумал? — возмутилась я. — У него жена чуть не померла, а он по кабакам пошел?

— Ну вот и ожили вы, Надежда Николаевна, а то белее мела сидели. Дар у меня такой просто, в сон погружать. Как вы сказали, гипноз? Ну вот типа того, да, — призналась Марфа.

Вдохнула. Ну хоть тут я не ошиблась. Если бы Марфа ещё сказала, что она и меня загипнотизировала, то совсем хорошо было бы.

Женщина тем временем выставила передо мной вазочки с вареньем и сушками, и достала откуда-то пирог и мясной окорок.

— Поешьте что ли, Надежда Николаевна, тоже ж выложились. Тяжело, наверное, с таким-то даром?

— Даром? Каким даром? — не поняла я, о чем толкует акушерка.

— Ну так вашим даром. Непорядок видеть.

— Непорядок? Я вас не понимаю, Марфа Семёновна.

— Ну и правильно, — кивнула женщина. — Не стоит на каждом углу о таком трещать. Кушайте хорошо, Надежда Николаевна, а я пойду узнаю, куда там муж роженицы побежал. Потом гляньте ее, прежде чем супругу отдать.

— Хорошо, — согласилась на автопилоте, беря пирог.

Посмотреть роженицу надо, это важно. И младенца осмотреть и оценить, неонатолога-то здесь нет пока. А там уже решать, отдавать женщину мужу или под присмотром оставить.

Но встать не могла, в голове всё крутились слова Марфы, что у нее дар такой — в сон погружать. А только ли он? Ведь не было у роженицы схваток, я это видела. Не пять минут девушку к родам готовила. Я была уверена, что не родит она сама, что кесарить придется. Наверное, я и сама под гипнозом была, потому что вместо того, чтоб готовиться к операции,

делала то, что велела мне акушерка. Даже пирог честно съела, хотя думала, что кусок в горло не полезет.

Ох, не случайно ее пациенты боятся, а Иван Никодимович велел его не звать к ней. А мне-то как быть, если она теперь и мной манипулировать станет?

Подумала и разозлилась. Да с чего это я позволю, чтоб какая-то баба деревенская мной командовала? Я, между прочим, дипломированный врач. Ладно, сегодня растерялась, все же я к другим условиям работы привыкла. Но если тут вместо наркоза Марфа, студенты перекись придумали, то и антибиотики изобретут. Все не так плохо. Инструмент есть, врачи хорошие, сестрички вообще золото, оттого и больница далеко за пределами уезда известна. А что с головой у меня непорядок, ну так что поделать, у каждого свои недостатки. Чертей ведь зеленых пока не вижу, и то хорошо. «Непорядок видеть» — глупости какие!

«В общем, жить можно», — решила я и отправилась посмотреть, что там с роженицей.

С роженицей, к моей искренней радости и удивлению, было все замечательно, она даже не спала, и хоть лежала по-прежнему на столе, но была бодра и весела, вовсю тетешкала малыша и рассказывала Машеньке, как она приехала сюда.

— А я и говорю Васеньке: «Вези меня в Синереченск! Если где и помогут, то только там». А его мать ни в какую. Говорит: «Вот еще, все бабы в бане рожают, а эту везти куда-то. Ребеночка растрясет в телеге, он дурачком родится». Но Васенька меня послушал и велел телегу запрягать. Я, правда, совсем дороги и не помню. А мой сын ведь не будет дурачком?

— Богатырем твой сын будет, — заверила Мария Сергеевна и скомандовала: — А вот и доктор наша, Надежда Николаевна. Давай-ка ребеночка мне, пусть она тебя посмотрит.

— Как вы себя чувствуете? — спросила я, приступая к осмотру.

— Вы знаете, прекрасно! Будто бы даже и не рожала, а выпалась и отдохнула тут у вас. Спасибо вам огромное, Надежда Николаевна, век за вас Бога молить буду. А Петенька мой точно дурачком не будет?

— Не будет, — пообещала я. — Хорошим сыном и защитником станет. Отцу подмога, маме радость.

— Ой, спасибо вам, доктор! — Обрадовалась девушка. — Вот не зря говорят, что тут лучшая больница, где доктора чудеса творят.

— Чудеса-чудеса, — согласилась с ней Машенька, подсовывая девушке яблоко. — Жуи давай и о сыне думай.

Я осмотрела ребенка и ретировалась. Чудеса, да. Здоровый малыш, счастливая мама. Хотя по всем показаниям у одного должна быть гипоксия, а у второй... А вторая я вообще не пойму, как родить сумела. Хотя... Это сейчас мамочки здоровьем похвастаться не могут, а тут, видать, природа свое взяла.

Решила так и отправилась на прием в наш с Федором Францевичем кабинет. Потом думать буду о странностях всяких, а пока — работа не ждет.

Но меня неожиданно перехватил Илья Семенович, врач, что приступал к дежурству после обеда, когда Иван Никодимович уезжал на объезд.

— Вы-то мне и нужны, голубушка, — сказал он, схватив меня за руку. — Съездите в полицейский участок, там у них удушенный, дайте заключение. Они торопят, а я никак не могу, у меня срочный вызов. Это недолго.

Говоря все это, он тащил меня к выходу и, выведя за дверь, втолкнул в руки полицейского урядника:

— Вот, милейший, вам Надежда Николаевна, она заключение подготовит, а я подпишу. Там же сомнений нет никаких? — сказал мужчина.

— Никак нет, — отрапортовал полицейский, — даже записка имеется. Но раз положено, то за вами и послали.

— Забирайте барышню, я опосля заскочу, — махнул рукой Илья Семенович и поспешил к ожидающему его экипажу.

— Ну что же, пожалуйста сюда, барынька, — подхватил меня под руку и повел к пролетке полицейский. — Это быстренько, не извольте беспокоиться. Просто так положено-с.

«Полицейский участок. Интересно, застану ли я там Белозерова?» — пришла мысль, когда я уже садилась в экипаж. И отчего-то поймала себя на том, что была бы рада увидеть там мужчину.

Глава 10. Удавленник

Привез меня урядник не в участок, а на квартиру, где жил потерпевший. Точнее, жертва. — А вот и врач, госпожа Мезенцева, — громко объявил полицейский, вводя меня в комнату. — Она сейчас нам быстренько подтвердит, что удавленник наш самостоятельный.

Осмотрелась я робко и осторожно, все же на месте преступления мне бывать не доводилось, но я помнила, что там лучше ничего не касаться.

Тело уже сняли и оставили на полу, за столом, заваленном небрежно сдвинутыми в сторону бумагами и учебниками, сидел еще один полицейский, а в углу на кушетке второй опрашивал служанку, которая не переставая терла глаза уголком фартука. Это она нашла тело и позвала дворника, чтобы снять.

Книги стояли и на стеллаже в углу. Там же аккуратными рядами выстроились колбы, реактивы и спиртовая горелка. На плечиках на стене висел форменный китель, такой же, в каких ходили студенты. Сомнений, что удавленник — студент Промышленного училища, у меня не осталось.

Подошла к телу. Молодой парень лет двадцати-двадцати трех. Высокий, худой. Бледная, синюшная кожа. Приоткрыла ему веки, нахмурилась. При самоубийстве от удушения, когда человек борется за жизнь, в глазах и на лице обычно появляются мелкие красные точки, словно от лопнувших сосудов. У этого парня их не было. Глаза были скорее мутными, а кожа вокруг них — просто бледной. Язык высунут, но не прикушен.

— Сударыня, да не тратьте время, вот же, он записочку оставил, — сказал мне урядник, что привел меня, и кивнул на того, кто сидел за столом и заполнял бумаги. — Напишите, что так и так, умер от удушения, и свободны. К чему вам на это непотребство смотреть и ручки марать!

Служанка зарыдала в голос, а я покачала головой и продолжила осмотр.

Я осторожно надавила на грудную клетку. Кости были ещё достаточно крепкими, но не было признаков перелома подъязычной кости или хрящей гортани.

Внимательно осмотрела веревку и след от нее. Борозда была, но неглубокой и прерывистой. В некоторых местах след казался скорее придавленным, чем врезавшимся. Это было совсем не похоже на тот ровный, глубокий след, который остается, когда человек сам затягивает петлю и вес тела довершает дело. К тому же веревка грубая, а следов крови не было.

— Да что вы там возитесь, сударыня, — раздраженно сказал полицейский за столом. — Говорим же вам, это пустая формальность. Вот и служанка подтвердила, что ссора у господина Валежного с девушкой произошла.

Точно, Дмитрий Валежный, помню его. Серьезный молодой человек, был немного замкнут, даже робок. Но педантичен, этим и запомнился. Он все время, пока я заполняла его карточку, выравнивал у меня на столе то чернильный набор, то заполненные карты.

Сейчас же руки его были скорее расслаблены, как и все тело. Повернула ладони. Были следы от химикатов, но не было ссадин. А вот пальцы были испачканы.

— Что это, порошок? — спросила вслух.

— Да что ж такое, — воскликнул в сердцах полицейский и присел рядом со мной. — Рогожин! Возьми на анализ, — скомандовал, осмотрев руки парня вместе со мной.

— Ну всё, госпожа Мезенцева, вы закончили?

— В общем, да, — сказала я. — Маловероятно, что это самоубийство. Я бы предположила, что парня сунули в петлю, когда он был уже мертв или, по крайней мере, не мог сопротивляться.

— Нет, это решительно невозможно! — возмутился полицейский. — Бунько, ты кого привел? — обратился он к моему провожатому.

— Так кто был, — вытянулся урядник. — Господин Мищенко в отъезде-с.

— Так, сударыня, дело тут ясное, так что давайте пишите, что самоубийство, и не морочьте нам голову. Чем вы там у себя в больнице занимаетесь? Повитухой служите? Вот и не надо тут ничего придумывать, — рассердился, видимо, старший из полицейских и сунул мне листок бумаги. — Рогожин, Бунько, заканчиваем тут.

Он сердито и демонстративно стал собирать со стола бумаги и складывать их в свою кожаную сумку, что висела у него на ремне через плечо.

— Я не могу написать, что это было самоубийство, — снова сказала я.

— Вот и не пишите, — мужчина забрал у меня лист бумаги и с раздражением сунул его к остальным. — Сами все напишем. Идите отсюда, дамочка.

Я поднялась и пошла прочь. Но в дверях остановилась и еще раз оглядела комнату. Все-таки не выдержала:

— Я имела кратковременное знакомство с Дмитрием Валежным и запомнила его как человека несколько педантичного и стремящегося все держать на своих местах. Посмотрите, как выстроена химическая посуда у него в шкафу, там все расставлено по размеру и назначению. А такой беспорядок в бумагах на столе и на подоконнике намекает, что тут могли что-то искать.

— Так, сударыня! — поднялся на ноги полицейский из-за стола. — Мы сами знаем, что делать. У вас своя работа, у нас своя. Я же вас не учу, как детей рожать, вот и вы не лезьте куда не надо. Повторяю вам, он записку написал, что жить с этим не может. И Глафира Андреевна подтвердила, что накануне он с невестой своей поссорился. А что до пороку, тут разбираться будем. Но без вас, сударыня, без вас! А вы ступайте уже, заждались вас, наверное. Бунько, проводи!

— Он, между прочим, химик, а они изобретали способ, как в шахтах взрывы безопасными сделать. Может, он что-то изобрел, а у него это украли, — заупрямилась я.

— Угу, а самого его повесили, — буркнул полицейский.

— Хорошо бы, если так, — внезапно сказал тот, который брал соскоб с пальцев студента. — Я имею в виду, что для шахт что-то придумывали. Но бумаги посмотреть надо бы. Вдруг из бомбистов окажется. А у нас приезд генерал-губернатора на носу.

— Рогожин! Вот умеешь ты все испортить! — хлопнул рукой по столу полицейский так, что некоторые бумаги рассыпались и упали на пол. — Вот сейчас сам и будешь все это перебирать и читать.

— Что здесь происходит? — за моей спиной возникла фигура Михаила Аркадьевича. — Что за крики, что соседи жалуются?

Полицейский посмотрел на исправника, на меня и сел на место.

— Да вот дамочка пришла и работать мешает, — пожаловался он начальству. — Выпроводить никак не можем.

— Надежда Николаевна, ну право слово, зачем вы мешаете работе полиции, — принялся выговаривать мне Белозеров, беря под руку и выводя из комнаты. — И не для женских глаз такие зрелища.

Я чуть не задохнулась от возмущения.

— Да ваши сотрудники просто не хотят убийство расследовать, им лишь бы дело прикрыть. А вы их покрываете. Не трогайте меня, я сама уйду!

Вырвала руку и сбежала вниз по лестнице. Ну и что я хотела — времена меняются, а люди нет.

Интерлюдия

Интерлюдия

Михаил Аркадьевич оглядел комнату, в которой нашли повешенного студента: два окна, в углу камин, кушетка, кресло, столик. За ширмой — кровать, посередине — большой заваленный стол. У стены стеллаж с книгами, чернилами и аккуратными рядами химической посуды. Хотя учащимся строго-настрого запрещено проводить опыты дома, но кто из них слушает кураторов? Взрослые уже парни, а все как дети.

— Что за шум, Григорий Алексеевич? — спросил Белозеров, присаживаясь на корточки перед удавленником. И тут всё ясно, вот и борозда на шее, и веревка тут же. — Записку дай, гляну. Чего барышню обидели?

Пристав нервным жестом открыл свою сумку, достал и протянул исправнику сложенный пополам лист и тут же пожаловался:

— Да ерунду барышня выдумывает, будто студент не сам повесился. Что женщина вообще может в этом понимать? Говорит, знала его, слишком аккуратным был.

— А если знала, то допросили ее? — спросил Белозеров, пробегая глазами записку.

«Не могу жить с этим» — это о чем интересно? Туманная какая-то записка. И след на шее тоже не такой, как должен быть. Удавленников Михаил Аркадьевич видел и как они выглядят, знал. А барышня, стало быть, тоже? Интересно...

— Да чего ее допрашивать, служанка всё рассказала уже. Поссорился с невестой, ну вот и полез в петлю, — пояснил пристав, которого ужасно раздражало это дело.

Он чувствовал: не всё гладко. Но накануне приезда генерал-губернатора признавать это ох как не хотелось. Исправник назначенный — приехал и уехал. А у него, Григория Алексеевича, начальство местное, которое за труп в канун высокого визита по головке не погладит. Да еще порох этот... Может, и права лекарка — студент над безопасными взрывами для шахт работал, вот и испачкался. А вдруг бомбист? Тогда проверять всё равно придется. Хуже будет, если всплывет.

— Написала барышня свое заключение? — спросил Белозеров, поднимаясь. — Что еще говорила?

— Да ничего, — буркнул пристав. — Что не даст заключения, сказала, и беспорядок ей не понравился, говорит, искали что-то. Можно подумать, у студентиков когда-то порядок бывает. Так ведь, Глаша?

— Дмитрий Трофимович старательный был, — пропищала девушка. — Любил, чтоб всё по местам лежало, ровно, как по линейке. Друзей не водил, гулянок не устраивал. Очень серьезный, — всхлипнула она. — Не то что невеста его да приятель.

— Про друга и невесту вы всё рассказали, кто такие, как звать, чем занимаются, когда были тут в последний раз и о чем разговор шел? — спросил Белозеров служанку, что сидела в углу комнаты на кушетке и смотрела на него во все глаза. — Ну так как?

Она неопределенно помотала головой, продолжая неотрывно смотреть на исправника. Михаил Аркадьевич вздохнул. Он и сам знал, что производит впечатление на подобных барышень. Только толку? Интрижек не хотелось, а о серьезных отношениях в такой глуши и думать не стоило. Остается работа.

— Расскажите всё под запись, — кивнул он служанке. — Всё, что вспомните, подробно. Так где отчет барышни Мезенцевой? — обратился исправник к приставу.

— Так не написала она, убежала, — развел руками Григорий Алексеевич.

— Ну так послать за ней и пусть пишет, — сказал Белозеров. — Что значит не написала? Это получается у нас просто так посторонние по месту преступления разгуливают?! — внезапно рассердился он.

Михаил Аркадьевич сделал свои выводы из увиденной картины, и ему отчего-то хотелось сверить их с заключением лекарки. А она мало того, что сама убежала, так еще и бумаг не оставила. Вот не бежать же за ней в самом деле? Хотя в участке эскулапа сейчас нет, труп всё равно в больничный морг повезут. Там и спрошу, с чего она взяла, что студент не сам с жизнью попрощался. Или вечером по-соседски зайти? Хотя не стоит, мало ли как барышня это воспримет, решит, что он ухаживать за ней вздумал. Барышни они народ такой, много себе придумывать любят.

— Служанку опросить как следует, бумаги забрать в участок, посмотрю сам, что в них, — сказал Белозеров, еще раз внимательно оглядывая комнату. — Тело где было, когда вы пришли и потерпевшего обнаружили?

— Так вот тут, у входа на крючке висело, — охотно пояснила служанка, вставая, чтобы показать, что и как она нашла, и с готовностью заглядывая в глаза мужчине. — Точнее, почти сидел он, высокий же Дмитрий Трофимович был.

И она снова принялась тереть глаза, на этот раз завязками чепца.

— Ну полноте, Глафира, — сказал исправник. — Не обижал вас погибший?

— Не-ет, он хороший был. Учился только много и всё по времени у него, сказал в девять чай подать, так значит, ни минутой позже.

— А с деньгами как у него было? Платил исправно? — продолжал расспросы Белозеров. — Откуда брал их, не знаете?

— Исправно, ни на денек не задерживал, — охотно пояснила служанка. — Он заказа всякие брал, в лаборатории училища работал, у него от Морозова разрешение было. Тот его на работу звал.

— Способный, стало быть, был господин Валежный?

— Да, ваше высокоблагородие, очень способный! — с готовностью закивала девушка, — его друг так и говорил, что он голова, не в пример Степашкину.

— А Степашкин это кто? — уточнил Михаил Аркадьевич.

— Тоже студент-химик, говорят, очень способный. Вроде как его Савва Тимофеевич на работу ждет и под него даже завод проектирует тут поставить, — пояснил Рогожин, что всё это время тщательно записывал всё, что говорила служанка.

Велели подробно, так он запишет, разве ж сложно? А потом сами пусть думают, а он человек маленький. Но если новый чин тут задержится, так, может, хоть он его оценит, а то при прежнем начальстве Парамона все в сторону отодвигали, говорили, что рылом не вышел.

Ну и что, что из деревни? Зато грамоту один на всю деревню освоил. Потому и смекнул сразу: нечисто тут. Парень-то дылда, а повеситься решил на крючке для одежды! Кто ж так делает? Крючок на соплях держится — дернулся бы, и вырвал с корнем. С его ростом мог бы до потолка достать и всё как положено сделать. А так — глупость какая-то.

— Хорошо, — сказал исправник. — Так послали за отчетом-то?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.